

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

А.С. АХИЕЗЕР

Архаизация в российском обществе как методологическая проблема

Исследования показывают, что общество, личность могут отвечать на кризисную ситуацию, на опасности либо вырабатывая инновационную идею, открывающую новые творческие возможности, либо возвращаясь к старым идеям, оправдавшим себя во времена прошлых кризисов. Общеисторический смысл решений первого типа - в стремлении людей повышать эффективность собственной деятельности в соответствии с возрастающей сложностью подлежащих формулировке и разрешению проблем. Смысл решений второго типа заключается в том, что усложнение проблем соответствующего субъекта не рождает адекватного творческого потенциала. Субъект находится во власти исторического опыта, сложившегося в более простых условиях, и, следовательно, опирается на неэффективные, неадекватные новой ситуации решения.

Различие этих векторов решений, векторов развития культуры в процессе усложнения проблем можно свести к дуальной оппозиции "ориентация субъекта на собственное воспроизводство в соответствии с исторически сложившимся идеалом - ориентация субъекта на воспроизводство на основе повышения эффективности своей деятельности, поиска нового, все более эффективного идеала". Центр внимания субъектов, их (суб)культур - отношение к собственному развитию.

Архаизация в исторических исследованиях

Архаизация - результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Архаизация выступает как форма регресса, в которой программы деятельности носят специфический для догосударственного общества характер, связанный с доосевой культурой, с господством чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей кругозор ограничивался лично знакомыми членами локального сообщества, не знавшими развития как культурной ценности.

Архаизация проявляется в условиях большого общества, государства как попытка полностью или частично вернуться к догосударственным формам культуры и деятельности. "Чаяния огромных человеческих масс... как правило, вырываются из неосознанных психологических пластов - из глубоко традиционного, подчас даже инфантильного и архаического, - если угодно, фрейдистского - духовного и психологического материала" [1]. Не следует забывать, что основная часть истории чело-

вещества связана с архаичным догосударственным обществом, а послеархаичное общество, и особенно нацеленное на развитие, прогресс - лишь тонкий налет на предшествующей истории. Архаизация - всегда попытка уйти от сложности медиации и вернуться к простоте господства инверсии. Это явление никогда не выступает в чистом виде, но всегда хаотически смешано с достижениями последующего развития, которые могут нести разрушительные последствия нередко в масштабах, возрастающих по мере усложнения общества.

Архаизация овладевает мыслями, приводит к массовым практическим действиям. Общество оказалось "зараженным" архаикой. Оно идет "к рефеодализации... к архаике и архетипу, к анархическому индивиду" [2]. В советский период попытки анализа этой проблемы вступали в органическое противоречие с официальным идеологическим представлением о сути советского строя. Наш социализм, как хорошо известно, официально рассматривался как проявление исторической необходимости революционного (инверсионного) перехода общества к следующей социально-экономической формации, однозначности вектора исторической необходимости. Признание же значимости архаизации требовало как иного представления об истории вообще, так и иной концепции российской истории, иного отношения к исторической необходимости, к якобы однозначному вектору исторической динамики. Это неизбежно подрывало бы саму основу ленинского представления о социализме как о необходимом послекапиталистическом периоде динамики общества. Тем самым лишалось бы основания представление о господстве в стране в начале XX века капитализма, даже среднеразвитого. Уступка в этих пунктах означала бы признание теоретического банкротства большевизма, по крайней мере большевистской концепции истории России.

Споры вокруг архаизации фактически продолжали споры еще досоветского периода между большевиками и их оппонентами - социалистами, утверждавшими, что Россия не созрела до "социалистической революции". Однако В. Ленин был уверен, что эта проблема будет решена в результате перехода власти к большевикам, к "профессиональным революционерам", которые поднимут страну на необходимый для социализма уровень культуры. То, что сегодня вновь, хотя и в иной форме, встал вопрос об уровне развития России, о самой возможности и способности страны перейти на качественно новый этап, свидетельствует о крахе ленинизма в сфере основ объяснения развития России, о крахе попыток реализовать большевистский проект.

Пolemика возобновилась на закате советского общества. В 50-70-х годах существовало так называемое "новое направление" в исторической науке [3]. Его сторонники пытались сместить центр тяжести исследований к проблемам сращивания "передового" капитализма с его примитивными формами и докапиталистических укладов России. В противоположность карикатурной идеологической схеме, превращающей "государство в слугу капиталистических монополий, приверженцы этого направления обратили внимание на противоположный процесс, т.е. на зависимость монополий от государства, акцентируя внимание на изучении более отсталых примитивных социальных явлений. Таким образом, речь шла об изменении всей стратегии исследований. Работы этой школы продемонстрировали, что государство вплоть до 1917 года оказывало "определяющее влияние на деятельность частных коммерческих и ипотечных банков" [4]. То же обнаруживается и при анализе отношений государства и промышленности. Внимание ученых акцентировалось на различных формах зависимости "буржуазии" от государственной власти и противоречий во взаимоотношениях между ними. Болезненным для официальной идеологии стало сомнение в безоговорочном рассмотрении крупной промышленности как очага капиталистического развития [3, с. 368].

Ныне многие отечественные исследователи говорят о глубоких пластах архаики в российском обществе. В капитальной монографии Л. Милова говорится, что Россия выступает как "архаичный социум", в котором "был сохранен и архаичный защитный механизм общинного землепользования" [5]. Известный историк социологии

Ю. Давыдов, опираясь на М. Вебера, неоднократно писал о существовании двух типов капитализма: продуктивно-предпринимательского, основанного на этике сбережений и труда, индивидуальной инициативе и личной ответственности, и архаического, покоящегося на допотопном кулачном праве. В России сформировался капитализм второго типа [6].

Анализируя массовые мифы, можно прийти к заключению, что именно здесь "мы сталкиваемся с идеями и представлениями, вырастающими из глубочайшей архаики. Ибо за ИДЕЕЙ ВЛАСТИ, т.е. традиционного государства, ПРЕДУСМАТРИВАЕТСЯ ОБРАЗ РОДА" [7, с. 118]. Архаизация в советский период связана "с возрождением общины в крестьянской среде, составляющей 4/5 населения страны... общинно-крестьянский архетип проявлялся во многих чертах советского общества вплоть до самого последнего времени его существования. Он находил конкретное выражение прежде всего в системе ценностей и норм поведения: в стремлении к социальной справедливости и равенству, в коллективизме и взаимопомощи..." [8].

В принципе этот возрастающий интерес к архаизации российского общества - свидетельство существенного изменения ориентации общественной науки, выявляющей свою содержательную органическую несовместимость с теоретическим наследием большевизма. Архаика у нас - не достояние истории, она в нашей повседневности, значимость которой для современности лишь начинает осознаваться наукой.

Глубокие основы архаизации заключаются в том, что в российском обществе на протяжении почти всей истории преобладал традиционный тип нравственности, в той или иной степени разьедаемый умеренным утилитаризмом. Люди отвечали на вызовы истории, в частности на попытки реформ, не на языке диалога, но, скорее, на языке насилия, бунтом, попытками сломить источники угроз, прежде всего государство, а также попытками уйти от угроз прямым бегством от власти государства, игнорированием попыток власти изменить массовое поведение, образ жизни и т.д., стремлением "не слезать с печи", отказом поддерживать власть, игнорировать ее, полагая, что "барин дурит", отказываться от платежей, отключать от власти потоки ресурсов, противопоставлять государство первому лицу и т.д. Октябрьский переворот следует рассматривать прежде всего как массовую архаическо-традиционалистскую реакцию на предшествующую попытку власти насильственно сдвинуть схематизм нравственности к полюсу либерализма и развитого утилитаризма.

Архаизация в экономических исследованиях

Волны архаизации провоцировались экономическими реформами. Ее вызвала даже отмена крепостного права и последующие попытки расшатать общину. В итоге российское общество вернулось к крепостничеству в форме военного коммунизма, а затем и сталинского тоталитаризма, который был доведен до неслыханных в истории форм и масштабов.

Масштабы архаизации, ее последствий определяются прежде всего значимостью в обществе ее носителей, которые в ответ на вызовы времени резко, инверсионно возвращаются к прежним ценностям. Таким было прежде всего крестьянство России. Сельские жители составляли в 1917 году 85% всего населения страны. С 1868 по 1897 год количество лиц, проживающих в городах, но принадлежащих к крестьянскому сословию, увеличилось в 4,6 раза [9]. Исследования ментальности горожан показывают, что городское (по статистике) российское общество имеет в значительной степени аграрный менталитет. Приоритетность продовольственного самообеспечения, негативное восприятие социального неравенства и купли-продажи земли, подозрительное отношение к иностранцам - все это требует учета как "ментальное ограничение вестернизации" [10]. Налицо историческая слабость городской культуры, городского образа жизни, городских ценностей, очагов интеллектуализации, т.е. именно того, что могло бы в перспективе стать соразмерной силой, противостоящей архаизации.

Жизнь крестьянства исторически формировалась в родовых общинах, которые затем эволюционировали в территориальные. Эти люди никогда не знали индивидуальной частной собственности, как правило, негативно относились к торговле, особенно к возможности превращения ее в определяющий экономический фактор жизни. Их образ жизни и повседневная хозяйственная деятельность были пронизаны общинным сознанием, покоились на принципах общинного вечевого управления, сформировавшихся в условиях догосударственной жизни. Власть общины превращала крестьянина в крепостного локального сельского мира. Как раз экстраполяция локальных культурных и организационных догосударственных форм на большое общество лежала в социокультурной основе государственного крепостничества. Столыпинская реформа дала крестьянину право выйти из общины с землей, но социокультурная архаика в итоге взяла верх, и власть сельского мира над личностью была восстановлена в советских колхозах.

Негативное влияние на результаты попыток прогрессивных экономических реформ оказало представление о якобы далеко зашедшем в России развитии капитализма. Новые исследования показали, что, по сути, российские монополистические синдикаты появились вовсе не в ходе острой конкурентной, характерной для капитализма борьбы, а, наоборот, в результате недостатка конкуренции или искусственного ее ограничения, посредством финансовой поддержки власти в условиях слабого развития производительных сил. По свидетельству В. Поликарпова, "признания этого качества монополизации в России было общим местом в дореволюционной литературе, но с 30-х годов о нем вспоминали все реже и не делали отсюда выводов для методики исторического анализа" [3, с. 392, 393].

Работы И. Гиндина, например, были направлены на "выявление архаических особенностей промышленного развития в связи с общей отсталостью страны" [3, с. 361]. Он, в частности, писал: «Изучение государственного вмешательства, искусственного ограничения конкуренции и создания правительством привилегированного положения для узких капиталистических групп приводит к выводу, что домонополистический капитализм в пореформенной России не принял до конца тех типичных для капитализма "свободной" конкуренции форм, в каких он сложился после промышленного переворота в странах, где капиталистический способ производства утвердился после буржуазной революции» [11]. Важный вывод заключается в том, что в России сложилась «совсем другая монополистическая буржуазия, базирующаяся в конечном счете не на монополии нового типа, а на старой... "русской" сверхприбыли» [12].

Эти исследования опровергают миф о господстве капитализма в стране в досоветский период. Поликарпов пишет: "Сфера взаимоотношений между хозяйственными ведомствами в качестве заказчиков железнодорожного оборудования и военных материалов и частной промышленностью, как показал Гиндин, была в значительной степени лишена коммерческого, рыночного характера. Товарно-денежные отношения в этой сфере приобрели весьма условный смысл. Речь идет не только о деятельности государственных органов, проводивших хозяйственные заготовительные операции, насаждавших и опекавших целые отрасли промышленного производства, но также о внутреннем укладе жизни многих частных предприятий, обреченных - в случае отказа в поддержке со стороны правительства - на верную гибель, не способных вести хозяйственную деятельность самостоятельно в условиях рыночной стихии" [3, с. 368].

Крайне интересен следующий вывод: «Самой яркой особенностью военной промышленности являлось то, что по своей организации и методам хозяйствования она устарела на десятки, а в иных случаях на сотни лет и действовала не на капиталистическом, а на полуфеодальных и феодальных основаниях. Такие понятия буржуазной экономики, как строгий бухгалтерский учет, ценообразование, себестоимость, амортизация, прибыль, даже понаслышке не были известны самодержавным "хозяйственникам"... Никаким капитализмом в этом особом виде народного хозяйства

уже совсем не пахло» [13]. А вот и другой вывод: "Государственный капитализм... по существу, не являлся буржуазным" [14]. Аналогичная ситуация сложилась и в сельском хозяйстве. Поликарпов называет российский капитализм "уродец-мутант" [3, с. 379]. Мне представляется, что все вышеизложенные выводы позволяют понять специфику хозяйственных форм советского периода как систему "монополии на дефицит", которая могла сложиться в условиях расколотой хозяйственной жизни [15].

В свете этих знаний становится очевидно, что мифологическая волна, питаемая массовыми стремлениями сформировать общество, основанное на архаичной Правде, на уравнительной справедливости, туманила головы, не позволяя формировать реальные реформы на основе новых знаний с опорой на них. Попытка игнорировать эти знания открывала путь действиям, провоцирующим архаизацию общества.

Архаизация как предмет культурологических исследований

Важнейшее, если не главное, проявление архаизации, заключается в том, что культура, культурные программы архаичного типа, имманентные догосударственным локальным мирам, оказываются значимыми, даже господствующими в культуре государства, большого общества. Господство архаичной культуры в большом обществе представляется проблемой первостепенной важности для страны.

Вектор архаизации нацелен на превращение архаичных программ, решений и действий в реальное массовое действие. В новой книге А. Янова рассматриваются мифологические идеи, играющие громадную роль в России. Периодически они охватывают все общество и тем самым определяют культурную основу принятия важнейших, судьбоносных решений [16].

Янов акцентирует внимание на особой сфере реальности, т.е. на органической связи между массовым культурным мифом и решениями, формулируемыми на его основе общественностью, высшей властью. Речь идет прежде всего о славянофильском мифе, постепенно завоевавшем в XIX веке культурную элиту страны. В основе структуры ценностей славянофильских мифов лежало стремление воспроизвести русские крестьянские ценности, но в переводе на язык Просвещения, на язык науки или того, что понималось в то время под наукой.

Славянофилы переводили на свой язык чисто мифологическое эмоциональное сознание. Среди важных его особенностей - стремление замкнуть свою производственную и бытовую жизнь в локальных эмоционально интегрированных мирах. Эта архаичная мифологическая культурная основа создала для славянофилов, безгранично и некритично поклоняющихся народу как тотему, основу для формирования версии имперской идеологии. Отношения "Мы - Они" переносились с отношения к соседней деревне на отношения к другим народам и государствам, на все человечество, интерпретацию ситуации через манихейскую схему всеобщей борьбы добра и зла. Эта культура, будучи экстраполирована на большое общество, вступила в возрастающее разрушительное противоречие с усложнением подлежащих формулировке и разрешению проблем. Ее периодическая активизация может достигать крайних форм разрушения и при этом в глазах ее носителей выступать как естественная, нравственно оправданная, неизбежная, а это маскирует ее неадекватность большому обществу.

Миф принципиально отличен от научного знания, ибо миф - синкретическое тождество представления о мире, подчиненного известным ритмам и кажущегося естественным, комфортным содержанием эмоциональной жизни человека. Мифы - важнейший пласт организации эмоциональной жизни человека, существующего в соответствии с программами мифологической культуры. Мифы (в отличие от научных истин, которые нередко возникают как дискомфортные, разрушающие привычные представления о мире) крайне слабо поддаются критике, слабо изменяются под ее влиянием. В мифе - в отличие от науки - господствуют логика инверсии, логика осмысления явлений посредством быстрых, логически моментальных пере-

ходов от одного полюса к противоположному и обратно в рамках ранее сложившихся оппозиций культуры.

Волны активизации мифа могут, как лесной пожар, охватывать значительные массы людей, побуждая все общество рваться к безумным, но священным традициям, решениям. Анализ этих мифологических волн в России раскрывает их поразительную устойчивость, слабую зависимость от изменений условий и средств, господствующих в обществе. Янов показывает, что накачивание славянофильских волн, мифологическое возбуждение значимой части общества и было той "очевидной", "естественной" базой, на которой покоились важнейшие решения высшей власти о войне и мире, в конечном итоге объективно предопределяющие быть или не быть обществу.

Основную идею этих активизаций мифологической культуры Ф. Достоевский выразил следующим образом: «Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенной ролью в человечестве или даже и первостепенностью, а стало быть только единый из народов может иметь Бога истинного... Единый народ - "богоносец" — это русский народ» (цит. по [16, с. 10]). Янов вслед за В. Соловьевым называет этот миф "национальным самообожанием" [16, с. 10]. Достоевский рассматривает этот миф как программу деятельности: "Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок и остаться нашим навеки" (цит. по [16, с. 11]).

Судьбы братьев-славян, Константинополя, проливов стали центральными во всех помыслах российских носителей этого типа мифов. Янов называет подобные рекомендации безумными. Разгул мифологических массовых ритмов в большом обществе — всегда безумие. Россия и Германия XX века оставили вечные непревзойденные памятники разрушительных мифологических волн. В российской истории постепенно выявлялись трагические последствия недостаточной способности общества вступать в диалог с носителями мифологии. Янов показывает, что в 1825-1921 годах страна под давлением общественности принимала важнейшие решения на основе активизации мифов, поразительным образом игнорируя изменение условий и средств, нарастающую сложность мира, требующую развития способности принимать все более сложные решения, углублять их методологию, критику исторического опыта.

Россия рвалась к Крымской войне вопреки Западу, не желающему влезать в войну ради Турции. Но некритически воспринимаемое желание общественности захватить Царьград, а также оплатить за все прошлые унижения не могло остановить безумную Затею. Не было ни толкового плана войны, ни соответствующих флота и вооружений. Наступление на Константинополь было невозможно из-за стоявших в Босфоре французской и английской эскадр, наступление на суше - исключалось из-за появления на Дунае австрийских корпусов. Не было денег. Кредитов никто не давал. В результате войны существование империи оказалось под угрозой. Это была катастрофа, отправная точка последующего скатывания к краху большого общества и государства. Общество не располагало культурным потенциалом не только для формирования программы достижения поставленных целей, но даже для формирования самих целей внешней политики, которые замешались мифологическим вздором.

Мифологическая основа решений вновь была воспроизведена и привела к очередной русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Понеся громадные потери, Россия не получила ровным счетом ничего. Вновь к войне не подготовились, даже цели ее не были ясны. Зато вновь кристально ясны были стремления помочь "братьям по вере".

Опять все повторилось в Первой мировой войне, когда Россия совершила акт самоубийства во имя помощи сербам, пытаясь при этом захватить Константинополь. Расплата за такие фольклорные сказки не поддается исчислению, но "сознание, существующее внутри имперского мифа, не должно знать о том, что последовательная реализация этой мифологии ведет к краху государства" [7, с. 82]. По сути, это важный признак архаичной культуры.

Россией управляли волны мифов, приводимые в движение не высшим руководством, не царем, а общественностью, давление которой на власть, совершаемое вопреки элементарному здравому смыслу, вело страну от одной катастрофы к следующей. Это

одновременно свидетельствовало о беспомощности высшей власти перед общественным угаром, о соблазнительном ее стремлении, пренебрегая своей ответственностью, найти в очередной войне столь вожделенное слияние с общественностью. В качестве расплаты правящая элита всегда получала инверсионный переход общественности от экстаза слияния с властью к ненависти к ней как ответственной за очередное поражение. Однако миф восстановления, расширения империи, продолжение бесконечной колонизации, которая сливалась с помощью братьев то ли по вере, то ли по крови, то ли по классу и т.д., лишь временно отступал на задний план, готовясь к своему очередному звездному часу.

Либеральное движение, которое по своей сути должно быть нацелено на господстволиберальной нравственности, либерально-модернистской суперцивилизации, как правило, в России плыло в первых рядах сторонников агрессивных и безнравственных войн. Например, среди поддерживающих афганскую и чеченскую войны стыдно видеть тех, кто считает себя либералами, тех, кто по самой сути должен уводить страну от вековой традиции насильственно разрешать сложные вопросы. Описанные Яновым сокрушительные мифологические волны продолжают наносить мощные разрушительные удары по стране. Как и в прошлом, за каждым воинственным подъемом они заставляют людей забывать о самом главном — о предотвращении движения по пути роста дезорганизации, опасные последствия которой усиливаются в процессе усложнения общества. Общество продолжает жить в комфортных мифах вопреки катастрофическому опыту не только известному нам из истории, но и сформированному с нашим участием.

Архаизация в социально-политической сфере

Архаизация переходит из формы культуры в форму массового социального поведения, массовой деятельности. Историк В. Булдаков, рассматривая то, что раньше называлось "победой социалистической революции", писал об "архаизации всей общественной структуры", о "победе социальной архаики" [17]. Эти события он рассматривает в свете необычной для современного читателя традиции, связанной с Великой смутой XVI века. Булдаков исходит из того, что «история не феноменологична, а мифологична. Слух, предрассудок, ложное представление в ней важнее реального факта, ибо любое событие остается в веках посредством коллективной памяти, которая и "пишет" историю - обычно вкривь и вкось. Приходится исходить из того, что реальность и вымысел составляют неразрывную ткань исторического бытия. В смутное время в особенности» [17, с. 9]. Предмет исследования определяется как "психоментальность" [17, с. 323]. "Магическое, а не логическое по-прежнему определяло ход истории", - пишет Булдаков [17, с. 245]. Движущей силой истории является не классовая борьба или экономический интерес, но конкретно-историческое содержание ментальности, культуры.

Булдаков блестяще раскрывает плодотворность такого подхода для анализа исторического материала и пытается выявить духовный субстрат нашей страны. Россия рассматривается как крестьянская страна, где и город был пронизан крестьянскими образом жизни и ценностями. Он сравнивает этапы российской истории по степени влияния архаики. Например, советская система была "куда архаичнее того, что ей непосредственно предшествовало" [17, с. 362]. Можно сказать, что в данном случае мы впервые получили специальную монографию, нацеленную на переосмысление катастрофы 1917 года и одновременно на концептуализацию способности общества возвращаться эмоциями, умом и действиями к архаическим пластам культуры. Смысл истории Булдаков ищет в том, что гигантские массы людей - носителей архаичной психоментальности, попав в государство, в города, в сложный и опасный мир урбанизации, индустриализации и т.д., ведут себя неадекватно. Человек отвечает на неадекватность своей (суб)культуре изменившегося мира активизацией деятельности, возможно на основе архаичных ценностей.

Автор пытается концептуализировать это явление, апеллируя к психике значительных групп, рассматривая его как результат "психопатологии смуты", "социального умопомрачения" [17, с. 118]. Культурные основания современных этнических конфликтов рассматриваются как отголоски древнейшей (племенной) формы конфликтов. Последовательно проводится идея о существовании в России громадного, часто скрытого потенциала архаики.

То, что в России называли революцией, в действительности оказалось бунтом архаики, нацеленной на укрепление пошатнувшегося общинного и государственного крепостничества. Трактовка Булдаковым революции означает, что общепризнанное советское время ее понимание как политического и социального переворота, ведущего в России от устаревшей, реакционной системы к прогрессивной, к новому справедливому порядку жизни, заменяется на прямо противоположное, т.е. на ее определение как взрыва архаичных древних ценностей, разрушающих более продвинутое общество, уничтожающих силы, ведущие к нему: "Революционный порыв на глазах оборачивался всеми мерзостями запустения, включая зловоние от нечистот" [17, с. 227].

Насилие, связанное с архаизацией, неотделимо от хаотизации, дезорганизации общества. Всеобщая распространенность насилия создает в определенных группах представление о его самоценности, что превращает насилие в повседневный элемент образа жизни. Возникает феномен «личного садистского самоутверждения с помощью насилия... В гражданскую войну и у красных, и у белых появилась масса "атаманов", отнюдь не пополнявшая собой "зеленое" воинство, но близкое ему по духу партизанщины. Фактически, это были просто люди, ставшие палачами, а вовсе не идейные борцы с кем бы то ни было. Для людей, внутренне жаждущих порядка вообще, революция низов представлялась тем звериным хаосом, который следовало уничтожить, не считаясь ни с чем» [17, с. 238].

Архаичный человек, попавший в большое общество, в момент кризиса замещает отношения, специфические для большого общества, отношениями между догосударственными локальными мирами. Здесь возможно все, вплоть до возврата к первобытному геноциду. Булдаков говорит о законе саморазвития хаоса [17, с. 172], который описывается через дуальную оппозицию двух форм насилия, выступающего как элемент и архаизации, и борьбы с ней. Насилие архаичной массы переходит в насилие власти, пытающейся восстановить государство.

В обществе, которое несет в себе сильный потенциал архаики и одновременно пытается быть современным, формирование власти крайне затруднено. Булдаков отмечает, что крестьяне обладают способностью самоорганизации власти на нижнем уровне общества. Однако утопично распространять эту способность на все общество. В результате само формирование государства превращается в хаотический, террористический процесс. Все это, однако, не снимает необходимости решения загадки, сформулированной еще Н. Бердяевым, т.е. формирования государственности в стране с низким уровнем государственного сознания.

В этой связи чрезвычайно интересен анализ Булдаковым отношения крестьянства к власти, проливающий свет на весьма специфические условия для самоорганизации общества. Государство существует в атмосфере массового ожидания чуда сотворения порядка, магического удовлетворения всех массовых экспектаций, ближайших нужд. Этот подход к государству свидетельствует о его древних культурных основаниях, носящих в значительной степени тотемический характер: государство, первое лицо, рассматривается как некоторый тотем, который можно менять в зависимости от его способности выполнять ожидаемые функции. Такое отношение к государству не предусматривает деятельной ответственности людей за его повседневное воспроизводство. Государство понимается крестьянами не как сила общества, а как нечто, существующее само по себе: оно может быть плохим или хорошим, независимо или почти независимо от общества. В таком массовом неадекватном сути государства отношении следует искать причину его слабости. В связи с этим нельзя не согласиться,

что и сегодня российская государственность стоит перед проблемой сосуществования с охлократией. "От того, как она разрешится, и зависит будущее России - не исключено, что до очередного витка смуты" [17, с. 367].

По мнению Булдакова, «и в прошлом, и в настоящем динамику кризиса в России определяет не осознанная борьба интересов, характерная для западной политической культуры, а все то же привычное стремление массы к воссозданию "своей" не ясно какой, но не бюрократической бездушной власти. Непонимание этого западнеческими квазиэлитами в России неумолимо сталкивает их на обочину современной политики» [17, с. 370]. В другом месте книги мы встречаем замечание, что главная драма власти в России развивалась в "неполитическом измерении" [17, с. 106] (по-моему, лучше - в дополитическом). Здесь содержится мысль о специфике массового архаичного поведения, которое руководствуется не столько интересами, сколько ценностями.

Думаю, сказанное выше является еще одним аргументом в пользу того факта, что на разных этапах истории сложности общества соответствуют разные уровни культуры, соотношение между которыми должно рассматриваться культурологическими методами. Отнесенные на задний план ступки опыта несут в себе древние программы, способные к новым боям за возвращение своего господства в обществе в условиях кризиса новых культурных программ.

Диалог и архаизация

Опыт российской архаизации приобретает разные формы. Это может быть форма пугачевского бунта или массового погрома во имя уравнительности, против государства, которое реально или мнимо ответственно за разрушение уравнительности. Или форма архаизации культуры отдельных элитарных групп, включая правящую элиту, проявляющаяся в попытках формирования в соответствии с массовым народным мифом авторитарной или даже тоталитарной власти отца или, наоборот, разваливания общества на основе модели "братской семьи", где решения принимаются съездом авторитарных глав регионов, ведомств и т.д.

Столкновение архаизации со стремлением к реформам, к прогрессу создает картину конфронтации, раскола общества. Эта картина по методологии анализа и по сути существенно отлична от господствовавшей у нас долгие годы концепции классовой борьбы в России. Столкновение классов изображалось как непримиримая конфронтация корыстных интересов, кровавая борьба за копейку, за возможность одних жить за счет других, за власть, которая обеспечивала утверждение и сохранение такого порядка. Тем самым, по сути, воспроизводилась манихейская модель абсолютной борьбы двух космических сил - добра и зла. Столкновение архаизации и прогресса происходит, прежде всего, между культурными ценностями, формами образа жизни, отличающимися друг от друга ориентацией на статику и динамику. Единственное кардинальное средство против негативных явлений подобного рода - развитие диалогизации как системы определенных отношений, так и (суб)культуры. Добиваться этого можно и путем формирования соответствующих институтов, и развивая в расколотых элементах общества способности к принятию общих решений.

Недостаточная развитость диалога создает условия для господства архаичной культуры, сокрушающей при своей активизации иные формы культуры, прежде всего несущие ориентацию на прогресс. Россия пошла именно по этому пути. Отношение между реформой и архаизацией носило характер взаиморазрушения. Тем не менее не исключалось определенное взаимопроникновение, т.е. преобразование под воздействием народного сознания деятельности реформаторов, их отступление от классических требований либерализма. Это проявлялось, например, в использовании для проведения реформ авторитарных методов.

Одновременно архаизация все менее выступает в чистом виде, но пронизывается и, возможно, разбедается утилитаризмом. Возможно, это имеет смысл расценивать как

определенное сближение расколотых, противостоящих друг другу форм культуры. Тем не менее в России эти процессы не обрели форму и степень, способные создать состояние диалога, ведущего к синтезу. Не преодолены разрушительные формы раскола, не созданы условия для синтеза, открывающего путь реальному экономическому развитию. Процессы ограниченного взаимопроникновения расколотых форм культуры создают условия для формирования гибридных форм культуры, для создания искусственных мифов (идеологии). Это распространено в России, в частности в форме большевистской идеологии, мифологизации науки [18].

Существование архаики объясняется ее "консервацией", "слабой затронутостью" "природного и социального космоса цивилизующим воздействием" [7, с. 23]. Однако в обществе, где господствуют национальные интересы, складывается социокультурный механизм противостояния волнам архаичного угара. "Система национальных интересов - структура иерархизирования. Это принципиально важное положение входит в конфликт с установкой архаической ментальности" [7, с. 206]. Задача иерархизации "распадается на множество отдельных интересов", которые выстраивают целое [7, с. 212].

Система интересов — одновременно и система их институционализации, создающая бастионы для будущих волн архаики. Но чтобы создать такую систему институтов, необходима соответствующая направленность динамики общества, его переход на новый этап развития, формирование устойчивого среднего класса гражданского общества. Таким образом, исследования формирования решения включают рассмотрение связи решений и механизма изменения отношений. Особый интерес здесь представляет связь развития государства, дифференциации и динамики большого общества, что включает и развитие интеллектуального мышления. Этот процесс обусловлен способностью выходить за рамки эмоциональных форм отношений, общения людей через абстракции: государство, общество, право, деньги и т.д.

Среди форм, организующих общество, создающих препятствия для волн архаизации, могут быть названы органы местного управления. Они должны быть не только институтами, воплощающими местные интересы, но и инструментом диалога между местными интересами и институтами, воплощающими интересы целого. Между тем за последние пять лет количество органов местного самоуправления сократилось в стране в три раза [19].

Снижение уровня дезорганизации в большом обществе возможно лишь в процессе оттеснения мифологии на задний план. Но это, как и формирование соответствующих институтов» возможно лишь на основе массового развития критики исторического опыта, прежде всего критики ограниченности культуры, мифологии, господствующих нравственных идеалов, инверсии [15]. Только в процессе рационализации господствующей культуры, развития и массового освоения абстрактного мышления возможно развитие и укрепление государственности.

Если первое лицо в государстве, правящая элита позволяют мифологическим волнам нести себя в пропасть войны, бросаться в утопические авантюры, то кроме высокой вероятности поражения, возможности национальной катастрофы, создаются предпосылки для воспроизводства архаичной мифологии как основы последующих массовых решений. При этом, например, война не осмысливается в своих сущностных характеристиках за рамками эмоциональных представлений, не осознается ее разрушительное воздействие на выживаемость общества. Это значит, что имеет место длительный устойчивый дефицит критики исторического опыта, что способность развивать культуру катастрофически отстает от потребности принятия все более эффективных решений. Это означает также, что в условиях охвата общества мифологической волной все явления описываются через имитацию логики мифа. Сказанное хорошо иллюстрирует уже упоминавшееся "новое направление", которое как раз и противопоставило язык и логику науки большевистским попыткам мифологизировать, демонизировать российский капитализм, описать его по архаичным схемам.

Погружение русской интеллигенции в народную мифологию, хотя и преобразованную в псевдонаучную, псевдорациональную форму, не позволяло ей выполнять центральную функцию субъектов интеллектуального труда. Она заключается в реализации критики исторического опыта народа, общества, государства, критики народа, оттеснении массовых мифов, прокладываний пути к диалогу с народом на основе все более глубокой культуры, с тем, чтобы крупница за крупницей оттеснить на задний план опыт, приводящий к росту дезорганизации, к катастрофам. На Западе эту роль в значительной степени исторически играл диалог центров власти (прежде всего высшей государственной) и центров духа (прежде всего церкви). В него постепенно стягивалась возрастающая часть народа.

Наша интеллигенция не восполнила отсутствие данного механизма в России. Вместо этого значительная ее часть, опираясь на архаичную манихейскую традицию, пыталась превратить критику культуры в языческую по своей сути критику людей власти, критику государственной власти как таковой. Слабость критики исторического опыта создавала свободное поле для смертоносных вихрей архаики, дезорганизующих большое общество, ведущих от одной катастрофы к другой.

Выход из такой ситуации - в переходе к национальному государству, гражданскому обществу, к господству в обществе либеральных ценностей, направленных на преодоление власти архаики. Этот процесс уже давно идет в России, приобретая также неполитические формы, формы нравственности [20]. Значимость в русской культуре эмоциональных механизмов приводит к тому, что анклавы развития либеральной культуры складываются, прежде всего, в литературных формах, в развитии художественного видения. Формируются фокусы либерально-модернистской культуры, например в форме гуманизации, секуляризации культуры, развития лирики как формы коммуникации и диалога, рационализации культуры, сакрализации эффективного предпринимательства и богатства и т.д. Другим процессом, формирующим культуры, противостоящие в конечном итоге архаизации, стало развитие утилитаризма [21].

Россия подвергается сокрушительным ударам однообразных конвульсий архаической инверсионной культуры, которая в большом обществе, в государстве при неразвитом диалоге ослепляет разум и ослабляет творческий потенциал. Это порождает дезорганизацию, опасность сползания к катастрофе. В то же время идет процесс оттеснения инверсионных ритмов, развития способности формировать решения, отвечающие изменяющимся условиям, средствам и целям усложняющегося мира. Однако (и это крайне важно) потенциал инерции архаизации, ее энергетическая база в российском обществе значительнее, чем потенциал роста либерально-модернистской культуры. Это указывает на скрытый источник серьезной опасности для России, угрожающей снижением эффективности решений, определяющих саму выживаемость общества.

* * *

Рассмотрение архаизации как важнейшей характеристики российского исторического процесса требует серьезного сдвига в методологии анализа динамики общества. В первом приближении можно говорить о необходимости рассмотрения общества как дуальной оппозиции двух противоположно направленных процессов: одного, направленного на повышение способности эффективно воспроизводить выживаемость, жизнеспособность общества, и другого, ослабляющего способность эффективного воспроизводства, ведущего к возрастающей дезорганизации, возможно, перерастающей в катастрофу. В таком случае внимание исследователя перемещается с одностороннего анализа одного из этих процессов на соотношение между ними, на переход, на поиск их синтеза, на их взаимопроникновение, взаимоотталкивание, их соразмерность. Только это и может обеспечить выживаемость. Такой подход дает основу для бесконечной конкретизации данной сферы "между", для формирования заполняющих ее смыслов, для выработки все более эффективной программы вос-

производственной деятельности. Это требует развития социокультурной методологии исследования общества, нацеленной на выдвижение в качестве фокуса исследования процессов напряженного поиска между противоположностями эффективной деятельности, решений, воплощение которых обеспечивает необходимый уровень обеспечения выживаемости [22].

Двойственность, противоречивость предмета не следует расценивать, описывать через виновность одной стороны в противовес невинности другой, в представлениях манихейства. Причины конфликтов, подчас разрушительных, лежат не в самом факте существования в обществе качественных различий в векторах направленности, но прежде всего в дефиците культуры всего общества, слабом развитии ценности диалога, недостаточной способности к поиску путей предотвращения опасностей дезорганизации, катастроф, путей использования специфических ценностей разных процессов для жизнеутверждающего синтеза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рашковский Е.Б.* На оси времени. Очерки по философии истории. М., 1999. С. 153.
2. *Федотова В.Г.* Анархия и порядок. М., 2000. С. 23, 26.
3. *Поликарпов В.В.* "Новое направление" 50-70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996.
4. *Гиндин И.Ф.* Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4. С. 230.
5. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 564, 571.
6. *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология. Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998.
7. *Яковенко И.Г.* Российское государство: границы, перспективы. Новосибирск, 1999.
8. *Данилов В.П.* Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999. С. 13.
9. *Вишневский А.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 83.
10. *Алексеев А.И., Симагин Ю.А.* Аграрный характер российского менталитета и реформы в сельской местности России // Российские регионы в новых экономических условиях. М., 1996.
11. *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892). М., 1960. С. 407.
12. *Гиндин И.Ф.* О некоторых особенностях экономической и социальной структур российского капитализма в начале XX века // История СССР. 1966. № 3. С. 58.
13. *Шаццло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России: конец XIX века - 1914 год. М., 1992. С. 28, 29.
14. *Гиндин И.Ф., Тимошенко В.В.* Многоукладность в социально-экономической структуре России в конце XIX - начале XX века // Экономические науки. 1982. № 2. С. 65.
15. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997-1998.
16. *Янов АЛ.* Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825-1921. Новосибирск, 1999.
17. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
18. *Ахиезер А.С.* Россия - большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1.
19. *Михеев С.* Муниципалитеты у губернаторов не в почете // НГ-Регионы. № 2. 1999, январь.
20. *Давыдов А.П.* "Духовной жаждой томим". А.С. Пушкин и становление "срединной культуры" в России. М., 1999.
21. Массовый утилитаризм как импульс динамики общества // Общественные науки и современность. 1998. № 6.
22. *Ахиезер А.С.* Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) // Вопросы философии. 1995. № 12; 1998. № 2; 1999. № 8.